

А. Т. АВЕРЧЕНКО

Разговор за столом

Когда соберутся вместе за самоваром или за бутылкой вина несколько русских людей, живущих по воле судьбы и большевиков — в Феодосии, Ялте или Севастополе, — я заранее с математической точностью знаю, с чего начнётся их разговор.

Чем кончится разговор, конечно, никогда нельзя предугадать, но *начинается* он всегда с поразительной точностью одинаково.

* * *

Вот пятеро — три дамы и двое мужчин — уселись за стол вокруг шумящего самовара; хозяйка вручила каждому по чашке чаю; пододвинула печенье, варенье, кекс, конфеты.

Минута молчания. Переглянулись.

— Ну-с, — начал разговор мужчина, тот, что помоложе. — Когда же мы будем в Петербурге?

— Да-а-а, — неопределённо тянут все три дамы. — Интересно, когда мы туда попадём?

— Теперь уж скоро, — хмуря многозначительно седые брови, говорит старичок. — Мелитополь взят. (А раньше он говорил Курск, а раньше — Харьков.)

Первая стадия разговора кончена.

Вторая:

— Я получила сведения, что моя квартира в Петербурге совершенно разграблена.

— Мне писали, что моя квартира в Москве сохранилась. Какой-то комиссар живёт.

- А я не имею никаких сведений о своей квартире.
- У меня там сестра живёт. Не знаю — жива ли?
- У меня отец и тётка. Не знаю — живы ли?
- Там голод.
- Там страшный голод.
- Там умирают с голоду.
- Совершенно умирают. Почти все.

Вторая стадия разговора окончена.

Третья:

— Говорят, муж Анны Спиридоновны поступил в Москве на службу к большевикам.

— Вот негодяй!

— Форменный. Вешать таких людей мало.

* * *

И вдруг одна из дам неожиданным энергичным броском руля сразу повернула неуклюжий широкобокий корабль вялого разговора из узкого шаблонного канала, где корабль то и дело стучался боками о края канала, — сразу повернула и вывела этот корабль в широкое море необозримых отвлечённых предположений.

Именно она сказала:

— А что бы вы, mesdames, сделали с Троцким, если бы этот ужасный негодяй попал в ваши руки?

— Ах, ах, — сказала с бешеной ненавистью вторая дама, то, что называется — роскошная блондинка, и даже сверкнула большими серыми глазами. — Я не знаю даже, что бы я с ним сделала! Я... я даже руки бы ему не подала.

— Тоже... — кисло улыбнулась худошавая. — Придумали наказание. Нет, попадись мне в руки Троцкий, я знаю, что бы я сделала с ним.

— А что именно?

— Я? Я бы выстрелила в него!!!

— Ну, это тоже ему не страшно, — скривилась, подумавши, третья дама, та самая, которая перевела разговор в другой галс. — Нет, попадись мне в руки Троцкий, я бы уж знаю, что бы я сделала! Узнал бы он, почём фунт гребешков, узнал бы, как губить бедную Россию!..

— Ну, а что? Что бы вы ему сделали?

И сказала третья дама свистящим шепотом, как гусёнок, которому птичница наступила на лапу:

— Я бы купила булавок... много, много... ну, тысячу, что ли. И каждую минутку втыкала бы в него булабочку, булабочку, булабочку... Сидела бы и втыкала.

— Только и всего?

— Ну, а потом отрезала бы голову и выбросила свиньям!

— Только и всего?

Бедная фантазией худощавая обвела сердитым взглядом на-смешливые лица и отрывисто закончила:

— А после этого воткнула бы в него ещё тысячу булавок!!

Мужчина помоложе снисходительно засмеялся:

— Эх, вы. Милые вы дамы, очаровательные, но фантазии у вас ни на копейку. Эко придумали: утыкать человека булавками, отрезать голову, выстрелить в него... Нет, господа, нет! Он столько сделал зла, что и расплата с ним должна быть королевская!..

— Например?! — в один голос воскликнули все три дамы.

— А вот... Только разрешите для настроения уменьшить свет. Слушайте меня в полутьме. Вот так... То, что я буду говорить, очень страшно. Итак: по приказу Троцкого, как вам известно, расстреливаются тысячи людей — совершенно безвинных — по обвинению в контрреволюционности. И вот! Если бы ко мне в руки попался Троцкий — я его не убивал бы. А взял бы последнего расстрелянного из этих тысяч, взял бы ещё тёплый труп этого убитого Троцким человека и крепко привязал бы его к Троцкому — грудь с грудью, лицо с лицом. И я бы кормил и поил Троцкого, чтобы он жил, но труп убитого им человека не отвязывал бы от него. И вот — постепенно убитый Троцким начинает гнить на Троцком... Троцкий каждую минуту, каждую секунду видит синее разложившееся лицо с оскаленными зубами, голова у Троцкого кружится от нестерпимого трупного запаха, и когда он почувствует около своей груди что-то живое, когда клубок трупных червей завороч...

Раздается дикий пронзительный крик блондинки:

— Не могу!! Довольно!.. Дайте свет... Мне страшно!!

Дали свет. Автор последнего хитроумного проекта сидел, положив голову на руки, и угрюмо молчал.

И заговорил старичок... Мягким, кротким голосом заговорил:

— Позвольте и мне сказать кой-что по этому вопросу. Видите ли... Я бы не резал и не бил бы Троцкого, не привязывал бы к нему упокойников, — я бы пальцем его не тронул, а я бы при-менил к нему штуку, самую справедливую...

Старичок облизнул губы и заговорил ещё мягче, ещё задушевнее:

— Я посадил бы его в комнату вместе с обыкновенным убийцей, повинившимся ну... в пяти душах, что ли. И я до сыта кормил бы их. Хорошо кормил бы. На закусочку королевскую селёдочку в уксусе, икорку паюсную, огурчики солёненькие... На обед селяночку жидкую с солёной рыбкой, гуляш венгерский с красным перчиком, с перчиком! и пудинг — сладкий-пресладкий. А чтобы они не боялись есть эти солёненькие и сладенькие вещицы — я бы около них поставил по огромному стеклянному кувшину с хорошим русским квасом, знаете, этакий московский хлебный тёмненький квасок со льдом и с жёлтой пеной наверху как, бывало, в московской «Праге» подавали. Острый, шипучий, приятный — в нос шибает... Вот кушали бы они родименькие, кушали... И когда, накушавшись, потянулся бы простой убийца за кваском, я остановил бы его руку и сказал:

— Послушай, раб Божий, убийца... а заслужил ли своими деяниями сие питие усладительное. Вот давай мы это по-Божьему рассудим. Секретарь! А ну-ка читай поимённо всех убиенных сим рабом Божиим!

И стал бы читать секретарь:

Убиты сим убийцей: Марья, Николай...

И после каждого имени выплёскивал бы я в парашу по глотку этого кваску холодненького. И сказал бы дальше секретарь мой:

— Пётр, Семён, Поликарп... Всё! И выплеснул бы я пять глотков по числу убиенных сим человеком, и остальной квас — три четверти кувшина — вручил бы убийце:

— На, сын мой! Вот твой остаток. Увлажняй своё пересохшее горло хоть до вечера.

И потянулся бы Троцкий к своему кувшину.

— Нет, постой, сын мой, — сказал бы я. — То, что в остатке будет, то и выпьешь ты, тем и увлажнишься. Читай, секретарь, имена, убиенных сим — а я по глоточку отливать буду. Читай, не торопясь, каждое имечко — через минуточку, хе-хе...

И читал бы он и читал, — о, велик список убиенных сим Троцким! — а я бы медленно, по глоточку, выплёскивал этот душистый холодненький квасок в парашу, в парашу, в парашу.

А Троцкий сидел бы и смотрел, да лизал бы языком свои проклятые пересохшие губы, те губы, которые в своё время шевелились, называя, имена приговорённых к мукам и умерщвлению.

Кончился бы квасок — я бы ещё чего принёс: пивца холодненького, альбо сельтерской воды этакий сифонище притащил. Назовет секретарь имечко, а я сифончик давану, оттуда струйка — порск! Назовет, а я — порск! А другой убийца сидит рядом, душистый квасок попивает, а у Троцкого и горло, и пищевод, как кора сухая, покоробившаяся, а желудок, как высохший пузырь, стянулся — да нет ему водички, ибо текут, текут имена — десятки, сотни, тысячи имен убиенных — и так до скончания века его...

— Это страшно, — прошептала блондинка, проведя языком по запекшимся губам, и поспешно проглотила чашку полуостывшего чаю.

* * *

А на диване, в глубине столовой, сидел никем не замеченный доселе офицер, только что вернувшийся с фронта, сидел, закинув голову на спинку дивана, и молчал.

Когда же старичок окончил свой тихий елейный задушевный рассказ — встал с места офицер и вошел в светлый круг, образуемый настольной лампой.

— А-а, — сказала худощавая дама, — а мы и не знали, что вы тут. Ну, теперь ваша очередь. Что бы вы с ним сделали, с Троцким? Воображаю, какой ужас вы придумаете!..

Резко освещенный лампой офицер неопределённо усмехнулся.

— Видите ли, господа. Если бы вместо этого стола было изрытое окопами поле и вместо этой бутылки рома были бы неприятельские укрепления, а там, где стоит кекс, — наша батарея, спрятанная за эту вазу с вареньем, изображающую наши окопы, — то тогда вы бы ясно представили, что бы я делал: я бы сначала обстрелял Троцкого, укрывающегося в этом укреплении, а потом, после артиллерийской подготовки, бросился бы со своими солдатами вперёд и энергичным штыковым ударом...

— Да вы не то говорите! Я спрашиваю, что бы вы сделали, если бы Троцкий попался вам в руки?

— Боюсь, что в бою, в этой суматохе я бы пристрелил его, как бешеную собаку.

— Ну, да — мы это понимаем; а если бы он без боя очутился в ваших руках?

Глаза офицера сверкнули и засветились, как две свечки.

— Так я бы его тогда, подлеца, в суд!..

— Как в суд? В какой суд?

— А как же?.. Ежели он виновен — надо его в суд. Пусть судят. Молчание сгустилось, нависло, нагромодилось над присутствующими, как насыщенная электричеством густая туча.

И только через минуту пышная блондинка пролепетала растерянно:

— Какое странное время: у штатских такая масса воинственной кровожадности, а военные рассуждают, как штатские!

Международный ревизор

Начало комедии

Действие происходит в Москве в кремлёвских палатах.

Троцкий. Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам приятное известие: к нам едет международная комиссия!

Луначарский. Как комиссия?!

*Петерс*¹. Как комиссия?!

Ленин. Вот не было заботы, так подай!..

Троцкий. По своей части я кое-какие распоряжения сделал — советую и вам. Особенно вам, Петерс! Комиссия, конечно, захочет осмотреть чрезвычайки — так уж сделайте так, чтобы всё было прилично. А то у вас на заключённых посмотреть страшно: худые, голодные, в синяках и кровоподтёках.

Петерс. Кровоподтёки белилами замазать можно.

Троцкий. Ну, да уж я не знаю, что там полагается... Можно бы также всех заключённых одеть в боярские костюмы и чтобы они, как придёт их осматривать комиссия, — проплясали бы перед комиссией русскую. Хотя, как мы их заставим?..

Петерс. Это можно. Я им надену сапоги с гвоздями внутри. Уж будьте покойны: на месте не устоят: тут тебе и русскую, и французскую, и испанскую — всякую отпляшут.

Троцкий. Потом у вас там эти разные аппараты, которые вы... этого... употребляете при допросах. Оно, конечно, может, так по-вашему, по-учёному, и надо, а всё же если комиссия увидит все эти ваши зажималки для пальцев, прессы да резины — ан и нехорошо. Впечатление может получиться не того...